

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке Geliografic

Маринина, Александра.

М26 Жизнь после Жизни / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

Разбитое зеркальце на груди, сережка, вырванная из уха, — своеобразная «визитная карточка» убийцы. Кто убил этих двух почтенных женщин — маньяк, одержимый мрачноватыми легендами рода Вяземских, или его изощренный имитатор? Все версии неизменно заходят в тупик. Бизнесмен, чьи начинания в связи с этими преступлениями находятся под угрозой, решил прибегнуть к помощи частного детектива. Так Анастасия Каменская оказалась в провинциальном Томилине. Да-да, полковник милиции в отставке Каменская теперь работает в частном детективном агентстве, и это расследование — ее дебют на данном поприще. Теперь за ее спиной нет могущественного и влиятельного ведомства, и это как-то непривычно. Но от Насти по-прежнему требуется ее умение разговаривать и слушать, систематизировать факты, интуитивно — а это есть вершина ее «сыскного таланта» — выбирать верное направление поисков. Словом, открывать все двери, которые встречаются на ее пути. Ведь за одной из них находится истина. Она-то неподвластна никаким переменам.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-82749-7

Пролог

5 марта 2009 года

Звонок мобильного телефона дребезжал надсадно и требовательно. Он умолкал и тут же через несколько секунд снова начинал свою надоедливую песню. Федулов нагнулся над лежащей на земле сумкой убитой женщины и посмотрел на эксперта. Тот молча кивнул, дескать, можно. Федулов щелкнул замком и вытащил телефон, нажал кнопку, обозначенную зеленой трубкой, поднес к уху, но ничего не говорил.

— Галина Ильинична! — зазвенел в трубке заполюшный встревоженный девичий голос. — Галина Ильинична, вы где? С вами все в порядке? Почему вы трубку не берете?

Федулов откашлялся и глухо произнес:

— Алло. Говорите.

— Ой, я не туда попала? — испуганно проговорили в трубке. — Извините, пожалуйста.

И точно так же испуганно и коротко зазвучали гудки отбоя. Ну что ж, теперь они знают хотя бы имя и отчество потерпевшей, это уже что-то. Теперь бы фамилию узнать и адрес. Федулов опустил руку с трубкой и тут же снова поднял ее: телефон опять зазвонил.

— Вы звоните Галине Ильиничне? — спросил он. — Кто вы? Представьтесь.

— Я Рита. А что случилось? Где Галина Ильинична?

— Рита, вы кем приходитеесь Галине Ильиничне? Родственницей?

— Я... я квартирантка. А где Галина Ильинична?

— Рита, с Галиной Ильиничной несчастье. Вы сейчас где?

— Какое несчастье? Что случилось? Ей плохо? Она в больнице?

— Она умерла. Вы где, Рита? Дома? Скажите мне адрес.

Трубка молчала, словно телефон выключили.

— Рита! — снова позвал Федулов. — Рита, вы меня слышите? Мне нужно срочно с вами поговорить. Скажите адрес.

— Как это... — раздалось в трубке глухое и неуверенное. — Что значит: умерла? Вы кто? Доктор?

— Старший оперуполномоченный майор Федулов Дмитрий Вадимович, — сухо отрекомендовался Федулов. — Галина Ильинична убита. Оперативная группа работает на месте происшествия. Так вы скажете, как вас найти?

— Я... я дома... — голос Риты, казалось, сел окончательно, она уже почти шептала. — У Галины Ильиничны.

— Говорите адрес, я сейчас приеду.

— Нагорная, дом двенадцать, квартира сорок восемь. Это между Федеративной и Профсоюзной, знаете?

— Знаю, — коротко ответил Федулов. Это совсем рядом, через три-четыре дома. Получается, дамочку убили при подходе к месту жительства. — Я буду у вас через несколько минут. Илюха, — обратился

он к другому оперативнику, полному, с отечным лицом, — я в адрес, кажется, мы установили личность потерпевшей.

— Мне с тобой идти? — спросил Илья Вторушин.

— Нет, оставайся здесь, сейчас начальство нагрянет, труп все-таки. Если что — я на связи.

Федулов быстрым шагом миновал неосвещенный проходной двор, в котором обнаружили труп, вышел на сверкающую огнями вывесок Нагорную улицу и направился к дому 12. Когда-то, когда Дима Федулов еще был сопливым пацаном, никакой Нагорной улицы не было, а потом здесь построили несколько шикарных, по меркам 1970-х годов, домов для городской «верхушки» — работников Томилинского городского совета народных депутатов и горкома партии, — и, конечно же, замостили целую улицу, чтобы им удобно было подходить или даже подъезжать на служебных и личных автомобилях, и открыли здесь несколько магазинов, которые снабжались товарами лучше всех других магазинов в Томилине. Жить на Нагорной стало престижно, и в послеперестроечные времена улица сохранила свой статус, несмотря на то что по сравнению с современной застройкой бывшие элитные дома выглядели простоватыми и даже захудалыми. Теперь на Нагорной располагались самые дорогие магазины, два автосалона и лучший в городе ресторан, который никогда не пустовал: параллельно шла знаменитая Парковая улица, обсаженная липами, одним концом упирающаяся в реку Томинку, другим — в недавно отреставрированную старинную усадьбу, а сразу за Парковой, на живописном берегу реки, начинался коттеджный поселок, построенный и обжитый людьми далеко не бедными. Этим небедным людям очень

удобно было делать покупки в магазинах на Нагорной и ужинать в ресторане.

Дом под номером 12 оказался пятиподъездной девятиэтажной «коробкой», перед которой между припаркованными машинами и гаражами-«ракушками» сиротливо приткнулась детская площадка. Федулов опытным взглядом окинул фасад, посчитал количество окон, приходящихся на один подъезд, что-то умножил и поделил в уме и уверенно двинулся ко второй двери. Он не ошибся, сорок восьмая квартира действительно находилась во втором подъезде.

Когда ему открыли дверь, он увидел серьезную, с озабоченным лицом женщину лет сорока и рядом с ней молоденькую девушку, бледную, перепуганную и показавшуюся Дмитрию необыкновенно страшенькой. Коричневые волосы расчесаны на косой пробор и заплетены в две косички, по толщине довольно жалкие, безликая, застиранного серого цвета водолазка, вытянутая на локтях, несвежего вида спортивные брюки. В общем, выглядела девушка Рита небогато, да вдобавок еще и болезненно: глаза красные, на лбу испарина.

Федулов еще раз представился, прошел в комнату, попутно успев отметить, что квартира у покойной Галины Ильиничны была хоть куда — трехкомнатная, просторная, хотя и давно не отремонтированная. Да, неплохо жили при советской власти партийные и советские работники. Он снова вспомнил свою тесную «двушку», в которой долгие годы ютился с родителями, женой, двумя детьми, младшей сестрой, ее мужем и сыном. Спали без преувеличения друг у друга на головах, никакая другая мебель, кроме спальных мест, в квартире не умещалась, ели на кухне в три

смены, в ванную, совмещенную с туалетом, всегда стояла очередь. Какое счастье, что все это уже позади и жилищный вопрос наконец решен! Но Дима Федулов до сих пор не забыл жизнь в той двухкомнатной квартире, она снилась ему в ночных кошмарах, и он просыпался в холодном поту и успокаивался только тогда, когда проходила сонная одурь и он мог различить вокруг себя совсем другие стены, другие окна и другую мебель.

Девушка, представившаяся Маргаритой Нечаенко, работала приемщицей в химчистке и жила у Галины Ильиничны Корягиной в качестве квартирантки, но не за деньги, а за помощь по хозяйству. Ходила в магазины, стирала, гладила, убирала, в общем, была чем-то вроде домработницы с проживанием. Своего жилья в Томилине она не имела, приехала из поселка Петунино Костровского района. Костровск — большой город в 60 километрах от Томилина, ну, конечно, не такой большой, как областной центр, но все-таки... Там и институты есть, в которых можно учиться, и частный бизнес процветает, и фирмы, в которых можно работать. Но на работу в костровские фирмы Риту почему-то никто не стремился взять, и пришлось ей довольствоваться более скромным, хотя и немаленьким, городом Томилином, построенным в середине 1950-х годов вокруг крупного химкомбината.

Галина Ильинична отправилась на творческий вечер известной в прошлом актрисы, приехавшей из Москвы. Рита хотела было проводить свою хозяйку до концертного зала, расположенного ныне в бывшем Доме политпросвещения, но Галина Ильинична категорически отказалась, сказав, что она не беспомощная и не дряхлая. Рита все равно волновалась за нее и

собиралась подойти на Майскую площадь к концертному залу попозже и хотя бы встретить Галину Ильиничну, но... В этом месте повествования несчастная некрасивая девица залилась густой краской и отвела глаза, а сидящая рядом с ней женщина, которая оказалась соседкой, вмешалась и пояснила, что около восьми вечера Риточка прибежала к ней и спросила, какое лекарство ей выпить: у нее начался жуткий понос. То ли отравилась чем-то, то ли кишечник засбоил. Сама соседка, конечно, не доктор, но жизненный опыт кое-какой имеет, поэтому дала Рите несколько дельных советов, а спустя полчаса зашла к Корягиной проведать девушку. Рита все время бегала в туалет и возвращалась вся в испарине. Она очень злилась на себя и говорила, что заболела так некстати, что хотела бы все-таки собраться с силами и пойти встретить Галину Ильиничну, потому что сейчас, в первых числах марта, началась оттепель, тротуары покрылись льдом и тонким слоем воды, очень скользко, и как бы Галина Ильинична не упала. Однако многоопытная соседка посоветовала ей из дому не выходить и находиться поближе к туалету. Они вместе попили чаю, посмотрели телевизор, а начиная с десяти вечера стали ждать Корягину, которая, по идее, должна была вот-вот вернуться. В половине одиннадцатого Рита забеспокоилась не на шутку и начала звонить ей на мобильник. Никто не отвечал. Может быть, концерт еще не закончился? Кто их знает, эти творческие вечера, на сколько они рассчитаны... Рита в справочной узнала телефон администратора концертного зала, позвонила, и выяснилось, что творческий вечер знаменитой актрисы закончился в девять часов десять минут. От Майской площади до Нагорной улицы пешком минут

пятнадцать, это если идти даже неспешным шагом по хорошо освещенной, широкой Профсоюзной улице, а если срезать и пойти дворами между Профсоюзной и Федеративной, то выходишь прямо в торец дома Галины Ильиничны, и занимает такая дорога от силы минут восемь. Иными словами, Корягина уже час как должна была вернуться. Рита разволновалась окончательно, попросила соседку не уходить, потому что ей страшно, и принялась названивать Галине Ильиничне каждые две-три минуты. Так и звонила до тех пор, пока ей не ответил майор Федулов.

Дмитрий провел с Ритой Нечаенко еще полчаса, все выспрашивал, не было ли врагов у ее хозяйки, не угрожал ли ей кто-нибудь, не возникали ли у нее в последнее время какие-нибудь конфликты... Много чего узнал Дима Федулов об убитой женщине, только на личность преступника это не проливало ни капли света. Преступник-то, скорее всего, необычный, и мотив у него эдакий с заворотом, не лежащий на поверхности. Почему Дмитрий так решил? Да потому, что на груди у задушенной теплым шарфом женщины лежало разбитое зеркало, а рядом с трупом валялась на земле вырванная из уха серьга.

Неужели в их тихом восьмидесятитысячном городе завелся маньяк? Ох, не хотелось бы!

* * *

22 сентября 2009 года

Капитан милиции Илья Вторушин на работу почти никогда не опаздывал, наоборот, любил прийти пораньше, пока в здании городского отдела внутренних дел никого, кроме дежурных, нет, посмотреть свои за-

писи, сделать в тишине бумажную работу, составить план на предстоящий день. Планировать Илья любил, он записывал все подробно, нумеровал и по мере выполнения с удовольствием обводил красным кружочком то, что уже сделано. Если к концу рабочего дня красных кружочков оказывалось меньше, чем необведенных пунктов, настроение у Ильи портилось, он был недоволен собой и злился. В удачные же моменты жизни, когда удавалось обвести красной шариковой ручкой все номера, он радовался, как ребенок, и считал, что день прожит не впустую.

Сегодня капитан Вторушин пришел на работу, как ему казалось, рано, однако в кабинете уже сидел старший опер Дима Федулов, с измученным лицом и совершенно больными глазами.

— Аиду убили, — сквозь зубы произнес Федулов вместо приветствия.

— Аиду? — удивленно приподнял брови Вторушин. — Какую Аиду?

— Ах да, ты не знаешь, ты ее не застал, — махнул рукой Дмитрий. — Молодой еще. Она десять лет назад ушла в отставку, я с ней работал. Какая была тетка... Аида Борисовна Павлова, следователь прокуратуры, старший советник юстиции.

Никакой Павловой Илья Вторушин не знал, ему было всего 32 года, и десять лет назад, когда какая-то там Павлова уходила в отставку, он только-только окончил школу милиции и начинал работать в уголовном розыске Костровска, своего родного города, где до сих пор живет его бабушка. Родители Ильи давным-давно переехали из Костровска в Томилин, они были инженерами-химиками и работали на комбинате, и вырос Вторушин здесь, а вот служебную карьеру

начинал там, где родился, и только семь лет назад переехал в Томилино.

Он видел, что Дима Федулов расстроен донельзя, и не знал, как себя вести, — то ли скорбно молчать в знак солидарности, то ли не притворяться и разговаривать как обычно.

— Илюха, у нас проблемы, — вдруг сказал Федулов совсем не то, что ожидал услышать Илья.

— У нас всегда проблемы, — беззаботно откликнулся Вторушин. — Какие на этот раз?

— У Аиды на груди разбитое зеркало. И сережка из уха вырвана, рядом валялась. Помнишь труп Корягиной?

Еще бы не помнить! Вторушин почувствовал, как сердце в груди пропустило удар. Вот, значит, в чем дело...

— Теперь точно можно утверждать, что в городе маньяк, — продолжал между тем Федулов мрачным голосом. — Нам теперь головы поотрывают.

* * *

*Газета «Томилинский курьер»
от 17 октября 2009 года*

«СТРАСТИ ПО УСАДЬБЕ

Уже три недели жители нашего города не могут спать спокойно: в Томилино поселился ужас, неизвестный маньяк убивает немолодых женщин, посещающих клуб «Золотой век». Случайно ли это? И что стоит за убийствами двух невинных жертв, связанных стоящей на окраине города старинной усадьбой? Обоих погибших женщин объединяло то, что они были

членами клуба «Золотой век», открытого два года назад московским олигархом Андреем Бегорским в отреставрированной на его же средства усадьбе. Клуб этот почти сразу завоевал популярность среди томилинских пенсионеров, которые говорят о нем не иначе как с любовью и теплотой, однако выяснилось, что не все там так радостно и гладко, как кажется на первый взгляд.

Мы провели журналистское расследование, открывшее нам немало страшных тайн и проливающее свет на загадки, оказавшиеся не по зубам нашей доблестной милиции.

Вернемся на два с половиной столетия назад и обратимся к истории. Всем мало-мальски сведущим в истории известен, конечно, князь Александр Алексеевич Вяземский, один из ближайших помощников и последователей Екатерины Второй. А вот его дальний родственник, князь Андрей Иванович Вяземский, известен куда меньше. При Екатерине он был действительным тайным советником, нижегородским и пензенским генерал-губернатором, а при императоре Павле стал сенатором. Но наше внимание должно быть приковано не к его политическим заслугам, а к истории его второго брака.

Второй женой князя Андрея в 1786 году стала ирландка Евгения О'Рейли. Князь познакомился с ней во время путешествия за границу, отбил у мужа и привез в Россию. Бракоразводный процесс Евгении был долгим и мучительным, но в конце концов влюбленные соединились и сочетались законным браком. Они любили друг друга и были счастливы, но родственники Андрея Ивановича этот брак не одобрили и его молодую жену не приняли. Супруги Вяземские

стали подыскивать уединенный уголок, где они могли бы спрятаться от пересудов и гнева своего окружения. Вот тогда-то князь Андрей и купил усадьбу Никольское-Томилино, которая сегодня стоит на окраине нашего города.

Но Вяземские сюда так и не переехали. Князь привез новоиспеченную супругу в имение, но уже через несколько часов Евгения сказала, что здесь ей не по себе. Она даже не захотела остаться в усадьбе переночевать, сказала, что ей страшно, что в воздухе витает нечто неопределенное, что ее пугает, и она ни за что не хотела бы здесь жить. Никакие уговоры князя не помогали, супруги вернулись домой, а через месяц Андрей Иванович нашел новое место — Остафьево, в семи верстах от города Подольска. Вяземские стали хозяевами Остафьева более чем на 100 лет, а усадьба Никольское-Томилино была продана графу Михаилу Федоровичу Румянцеву.

В середине 50-х годов прошлого века территория имения стала частью вновь построенного города Томилино, и никто не знает, почему так сложилось, что красивую усадьбу на окраине города стали называть «усадьбой Вяземского», который был ее хозяином всего чуть дольше месяца и не прожил в ней ни одного дня. Но факт остается фактом: усадьба Румянцевых при советской власти именовалась «усадьбой Вяземских» и носит это название до сих пор. Однако именно с родом Румянцевых, владевших Никольским-Томилином вплоть до революции 1917 года, и связаны страшные старинные тайны, которые могут пролить свет на тайны сегодняшние.

Итак, у графа Михаила Федоровича была дочь Ольга, красавица, образованная и умная девица, не